ГОД ИЗДАНИЯ 3-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

На 12 м.	3 р. — к.
„ 6 „	1 „ 60 „
„ 3 „	„ 85 „
„ 1 „	„ 30 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ

Москва, Новая площадь, 6/8, Издательство „Молодая Гвардия“

№ 7 АПРЕЛЬ 1926 г.

О. Максина

ПИОНЕРЫ—СМЕНА КОМСОМОЛА

Пионеры — смена комсомола. Целью своего пребывания в отряде каждый пионер ставит подготовлять себя в комсомол.

В настоящий момент мы имеем очень незначительное число пионеров-комсомольцев.

По некоторым организациям оно достигает 5 – 7%.

В отрядах очень мало уделяют внимания передаче в комсомол. Часто передача бывает к кампаниям. В ряде отрядов для подготовки создают специальные политкружки, они за 3—4 недели знакомят пионеров с задачами комсомола, партии. Наши организации считают это вполне достаточным для подготовки в комсомол.

Невольно ставится вопрос: что-же делал отряд для подготовки пионера в комсомол в течение 2—3 лет, что делал пионер 2—3 года в отряде, если он не подготовился в комсомол? Значит, плохо работал отряд, плохо работал в нем пионер, если для его перехода в комсомол нужен кружок политграмоты.

Вся повседневная работа отряда должна каждого пионера готовить в комсомол.

О задачах комсомола и партии пионер должен узнать в течение всей практической работы в отряде, специальные кружки для передачи не нужны.

Надо улучшить работу отряда. Надо постепенно готовить будущего комсомольца в отряде. Сами пионеры, совет отряда, больше уделяйте внимания практической работе и подготовленных пионеров передавайте в комсомол!

Больше пионеров в комсомол!

Старшие пионеры-комсомольцы часто ходят без галстука, стараются избегать общих сборов, стесняются ходить в строю, не участвуют в играх и прогулках отряда.

Каждый пионер, перейдя в комсомол, остается пионером в отряде и должен выполнять все законы и обычаи пионеров. На него возлагается еще одна обязанность Новая, более сложная и ответственная обязанность комсомольца.

Председатель Центрального Бюро пионеров тов. Максина

Когда пионер переходит в комсомол, он берет на себя часть и комсомольской работы. Он не просто пионер, он пионер-комсомолец в отряде.

Он должен еще более внимательнее, точнее исполнять все законы, обычаи и работу, поручаемые ему отрядом. Должен быть помощником во всей работе вожатого-комсомольца. За работу отряда он перед ячейкой отвечает, как пионер-комсомолец.

Все это усложняет роль пионера-комсомольца в отряде, возлагает на него больше обязанностей.

Комсомольские ячейки слабо используют пионеров в своей работе. У каждого комсомольца есть несколько обязанностей посещать собрания ячейки, политкружок, нести какую-нибудь практическую общественную работу в ячейке.

Вот эти обязанности пионер тоже должен выполнять в ячейке комсомола.

Бывать на собраниях и быть активным участником их, высказывать свое мнение по отдельным вопросам; посещать политкружок, если он не учится в школе, или, если он даже и учится, но имеет время и желание, тоже может заниматься в кружке. Если он не очень много нагружен в отряде, то в ячейке комсомола должен получить обязанность по общественной работе.

Часть пионеров - комсомольцев, переросших отряд, мы совсем передаем на комсомольскую работу.

Часто новый комсомолец, бывший пионер, постепенно начинает отвыкать и забывать все навыки, полученные в отряде. Начинает курить, ругаться, не выполнять санитарно-гигиенические правила, не умывается, во-время не ложится спать, не отдыхает, неорганизованно использовывает свое время. Некоторые даже начинают пить.

Правда, в комсомольской ячейке большинство комсомольцев не выполняет этих правил Но все это совершенно не говорит за то, чтобы новый комсомолец, получивший их в отряде, отказался от них. Все, что дал ему отряд хорошего, должно остаться у него на всю жизнь.

Лев Гумилевский

Рис. худ. И. Дубасова

ЧЕРНЫЙ ЯР

Роман

(Продолжение)

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. НЕИЗВЕСТНЫЙ

Начальник уездной милиции докладывал по телефону председателю уездного исполкома о рапорте черноярского милиционера, о рассказе странного почтальона — деревенского пастуха, о назревающем бунте и арестованных попах.

Егорка же в это время, колыхаясь в тарантасе, приглядывался к черным теням развалин барской усадьбы.

Семик дремал. Егорка толкнул его в плечо:

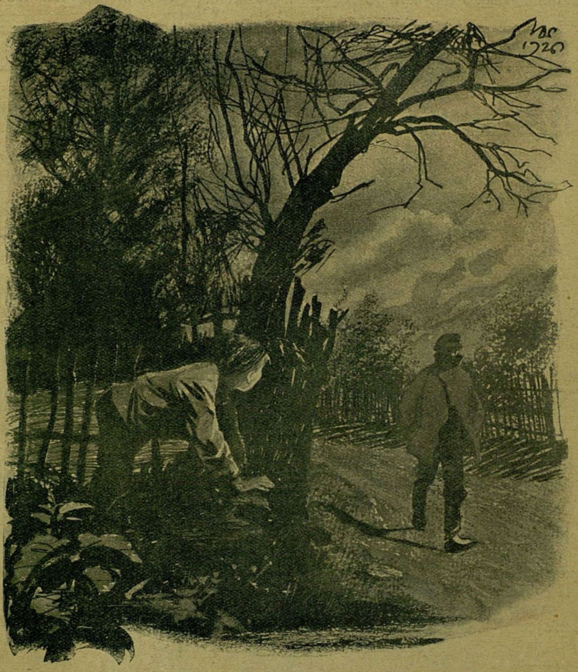
— Слушай, Семик, ты поезжай домой, а я тут сойду.

— Здесь? — изумился тот, тыча кнутом в черные громады пожарища, едва видневшиеся от дороги, — ты с ума сошел?

— А что?

— Тут же покойники ходят!

— Живые страшнее покойников бывают, — ответил он серьезно и остановил лошадей, — прощай. Спасибо, мне тут ближе, да и не надо, чтобы меня видели в деревне. Скажи милиционеру, если спросит, что к утру буду на своем месте.

Высокий человек пошел по дороге к селу

Семик все еще недоумевал.

— Ты, парень, в своем уме?

— Как видишь!

— Ну, гляди! Я упредил, а ты как хочешь.

Егорка потихоньку побрел в сторону. Семик посмотрел ему вслед, пока он не стал невидным на черном поле, и стегнул лошадей. Егорка усмехнулся грохоту тарантаса и пошел прямиком к пожарищу.

Он крался по полю неслышно, стараясь держаться в тени. Кругом было тихо. С Волги доносилось хлопотанье буксира, должно быть, тяжело нагруженного, потому что казалось из поля, что шум парохода не удаляется и не приближается нисколько.

Егорка дошел до груды камней, с которых начиналось пожарище, и сел на траву в тени их. Отсюда была видна вся площадка, на которой стояла усадьба, окруженная опускавшимся по склонам кручи парком.

Было уже поздно. В деревне орали петухи и скоро с деревенской колокольни сторож пробил час. Егорка встал, раздумывая, — нужно было возвращаться в тюрьму, как вдруг, совершенно неожиданно и совсем с другой стороны от пожарища, прямиком через поле к дороге мелькнула человеческая тень.

— Кто опять? — подумал Егорка, — что ему надо тут? Кто? Бандит или тот?

Опять с необычайной резкостью мелькнуло всего только раз и мгновенно виденное сегодня лицо неизвестного человека, и опять холодные иглы пронизали Егорку насквозь: он вспомнил об отце.

И вдруг, как молния в ночи, все стало ясно: этот человек был похож на отца.

Егорка свистнул тихо, вспоминая об ужасе Софрона, о видении Чугунова и о своем собственном утреннем беспокойстве, не перестававшем томительно волновать его весь день.

— Так вот оно что, — нарочно выговорил он вслух, чтобы стряхнуть с плеч последние тени страха, — а кто же он?

И опять сердце замерло от нелепой и жуткой догадки. Егорка сжал кулаки, вытянул шею и впился глазами в сумеречный свет, бродивший по полю. От темных громад каменных развалин таинственный человек неторопливо прошел прямиком на пашню, выбрал межу и скрылся во тьме черной земли, с уверенностью человека, которому не нужно оглядываться, чтобы различить дорогу.

Егорка осмотрелся и пошел за ним.

В этой темноте можно было столкнуться друг с другом. Егорка прятался в межах, иногда почти полз, но постоянно прислушивался к недалеким шагам и неотступно преследовал чудного странника.

— В Сорочьей Крепости коней свели, — шопотом перечислял пастух, — в Ключах конная ярмарка скоро. Надо ждать, что и у нас на этих днях будет. В ночное мужики ребят пускать не стали уж..., Неужто конокрад?

У него сжимались кулаки и в гневе быстро сгорала еще неясная, чудесная мысль — не жив ли отец?

— Нет, нет, — шепнул он, но что ему надо тут?

Высокий худой человек вынырнул из тьмы поля и пошел по дороге к селу. На серой пыльной дороге, при свете звездчатого неба, он был Егорке отчетливо виден. Любопытство мальчика разгорелось, он обежал стороной, прячась в межах и забежав к первой избе, спрятался за плетнем.

Сердце у Егорки забилось. Нужно было еще только одно: увидеть его лицо, чтобы убедиться, что это был тот самый загадочный человек, копавшийся утром в кирпичах на пожарище. Но когда он поровнялся, Егорка увидел только черную повязку, прикрывавшую глаза, на лоб нависал нахлобученный круглый картуз с широким козырьком, а подбородок и губы до самого носа были запрятаны в поднятый воротник тужурки.

Он прошел мимо, не оглядываясь, не прячась. Егорка вынырнул вслед за ним,

— К кому он идет, — стал думать он, — чей такой? Если лошадь сводить у кого будет — вот поймаю. Спасибо мужики скажут.

Егорка удвоил осторожность, хотя шедший по дороге человек не оглядывался и вовсе не заботился о том, следят за ним или нет. Иногда казалось, что он сворачивает к той или другой избе, и у Егорки замирало сердце, но каждый раз оказывалось, что загадочный человек только спокойно кружил по готовой деревенской тропинке.

В деревне было пустынно и тихо. Даже собаки дремали и сквозь сон только ворчали на чужие шаги, не поднимая лая. Прохожий шел своей дорогой с уверенностью человека, знавшего, куда он идет.

Деревенская улица кончалась. Егорка перестал прятаться — очевидно, что опасности мужицким коням от этого человека не было. Из крайней подворотни с ворчанием выскочила собака и метнулась на дорогу. Так как она очутилась между двух людей, то и остановилась, растерявшись от неожиданности, не зная на кого лаять.

Высокий человек оглянулся. Егорка не успел отскочить в тень и смущенно начал звать собаченку.

Собаченка замолчала, обнюхала знакомого пастушка и, вильнув хвостом, пошла назад.

Егорка, делая вид, что шел только за собакой, повернулся к дому за нею. Прохожий остановился:

— Послушай-ка, мальчик!

Егорка вздрогнул от звука его голоса и замер.

— Мальчик! — раздраженно повторил тот, — что учитель ваш все еще в школе живет?

— Там! — собравшись с силами, ответил глухо Егорка, — там живет!

— Спасибо, — ответил тот и, не оглядываясь, пошел дальше.

Егорка дал ему отойти и пошел туда же. У него горело лицо, вздрагивали веки, но руки были холодны, как ключевой ковш в поле.

В школе, в комнате учителя, горел огонь.

Егорка следил издали за ним. Школа стояла высоко, и он мог видеть, как странный прохожий взобрался на ступени крыльца, постучал, потом о чем-то спросил у учителя, отворившего дверь, и сейчас же исчез за нею.

Егорка вздохнул, подумал, потом решительно пошел к школе.

Комната учителя находилась в задней половине училища. С высокого крыльца, забравшись на перила, можно было заглянуть в окно. Егорка шел тихо, боясь, что вот-вот нежданный гость выйдет обратно, но никто не показывался, и он осторожно забрался на перила, ежеминутно прислушиваясь, не звякнут ли запоры за дверью, не скрипнут ли шаги в коридоре.

Но гость как будто не собирался уходить. Заглянув в окно, Егорка увидел, что он сидит за столом против учителя очень спокойно.

Учитель же был бледен и голос его, должно быть, звучал глухо — Егорка не мог разобрать ни одного слова. Он говорил долго, затем протянул вперед руки — было видно, как они дрожали.

Тогда таинственный гость, не спуская с учителя глаз, вынул из кармана свернутый листок бумаги и, положив его перед собой, развернул и разгладил руками. Учитель наклонился к столу, загородив собой свет, но и одного мига было Егорке достаточно, чтобы угадать в этом клочке бумаги тот самый, который он видел утром в руках... того же самого человека.

— Он! — вздохнул Егорка, — он!

Учитель отклонился от стола, сжал руки и поднял глаза, в которых отражался ужас, на окно.

Егорка соскочил на крыльцо с грохотом. За окном раздался крик — «кто там?» Егорка помчался прочь с быстротой ветра. Он бежал, не оглядываясь, но слышал, как дверь отворилась, хотя не видел, как учитель обходил двор кругом.

Он мчался по деревне, подымая сонных собак, и в тот момент, когда учитель оглядываясь, запирал дверь — Егорка уже взбирался по карнизу и открывал окно своей тюрьмы.

Маленькая лампочка коптила на столике. На полу, на груде свежего сена мирно спали попы. Головы их трогательно покоились на одной подушке.

Егорка захлопнул окно и лег рядом.

И снова трудно было ему закрыть глаза и уснуть.

Весь этот день, с утра до вечера, переполненный странными событиями, кружился перед ним то на пожарище, то в стенах уездного управления милиции, где черный, курчавый человек, только что вставший с клеенчатой кушетки, допрашивал его с любопытством, а затем читал милиционеров рапорт и торжественно обещался перед мальчиком не выдавать милиционера.

— Про меня можно. Я все скажу. Я не боюсь, я правду люблю, — говорил Егорка весело и добавлял сочувственно, — а у милиционера нашего жена больная и ребят много уж очень. Про него молчите только..

— А ты правду любишь, мальчик?

— У меня отца за то расстреляли! — гордо отвечал он.

И человек в мундире с красным воротником расспрашивал ласково и подробно, обещая чуть свет прислать ревизора.

Егорка улыбался, думал о завтрашнем дне, но, засыпая, встречался с глазами учителя, наполненными ужасом и тоской, и, вздрагивая, думал о таинственном человеке, сеявшем вокруг себя огромные куски какой то жуткой тайны.

Но к утру Егорка заснул. Сна он не заметил и проснулся от знакомого голоса так, словно и не засыпал. Милиционер будил священников и торопливо кричал на них:

— Идите домой! Ступайте скорее! Велели выпустить вас. Да скорей, скорее!

Он выпроводил их и вернулся назад:

— Беги и ты на все четыре стороны. Секретарь велел всех выпустить потихоньку: приехал из города, ведь, человек. Стой, кто-то идет!

Он прикрыл дверь и ушел. Затем вернулся и повел Егорку через заднее крыльца на двор, оглядываясь и прислушиваясь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ГОСТЬ

Учитель ждал своего таинственного посетителя до глубокой ночи. Он ходил из угла в угол, вздрагивая от малейшего шума, и иногда разглядывал таинственную записку, лежащую на столе.

«Сегодня ночью будьте дома и один. Дело касается нашего прошлого. Откроете тому, кто постучит четыре раза и назовет вас старым именем».

Записку принесла сторожиха. Ей передал ее прохожий, которого она даже не могла разглядеть в лицо.

Вечером Бокастов отослал сторожиху и остался один. До полночи он ждал спокойно, потом стал ходить из угла в угол, нетерпеливо ожидая таинственного гостя.

Когда раздался стук — Сергей Семенович спрятал записку и вышел. За дверью спокойно отозвался голос, показавшийся на одно мгновение знакомым:

— Мне нужно начальника села.

Учитель вздрогнул. Да, это было его старое имя, воскрешенное из такого близкого и такого страшного прошлого. Одно мгновенье он колебался, потом решительно открыл дверь и впустил стоявшего за нею.

— Что вам нужно?

— Зайдемте в комнату и поговорим, — ответил тот спокойно.

При свете огня Сергей Семенович старался его разглядеть. Но тот не снял картуза и не опустил воротника. К тому же черная повязка скрадывала черты его лица. Первое же ощущение знакомого голоса исчезло, — гость заговорил глухо, усаживаясь за стол.

— Я штабс-капитан Пыляй.

— Не знаю, — покачал головой Бокастов.

— Возможно. Я командовал отрядом армии генерала Деникина, три года назад занявшим ваш уезд. В этом селе распоряжался казачий урядник. По его докладу я назначил вас начальником села. Вы помните все это.

Учитель молчал.

— Согласны вы признать, что я говорю правду, или вы хотите, чтобы я представил вам документы?

Гость ждал нетерпеливо. Бокастов вздохнул и наклонил голову.

— Я признаю.

— Очень хорошо.

— Что вы хотите? Зачем вам нужно напоминать о том, от чего я тогда же отрекся и что так хочу забыть?

— Есть вещи, которых нельзя забывать.

— Что вам нужно?

— Сейчас узнаете.

Посетитель взволнованно замолчал. Он несколько раз потирал себе под козырьком горячий лоб, потом, оправившись, заговорил спокойно:

— Нам нужен осведомитель. Мы возобновляем борьбу с советами. Нужен человек, который бы сообщал нам о положении в уезде, о настроении крестьян. Может быть придется выполнять некоторые наши поручения. Мы решили назначить вас.

Учитель встал и отступил в ужасе:

— Нет!

— Что нет?

— Я отказываюсь! Я отказываюсь иметь какое бы то ни было дело с вами! Я!.. Я!..—сообщу о вашем предложении...

— Что? Вы сообщите?..

— Да.

— Да вы знаете, что мы можем с вами сделать?

Гость был необычайно взволнован. Казалось, что он ожидал всего, чего

Егорка помчался прочь с быстротой ветра

угодно, но только не этого. Он замолчал, пожав плечами. Потом спросил тихо с оттенком какого-то дружеского участия:

— Почему?

— Почему?—переспросил учитель,— почему?

Он оперся на стол и, глядя прямо в лицо своего гостя, заговорил с необычайной страстностью.

— Да потому, что это прошлое, о котором вы мне теперь напомнили,— есть самое страшное в моей жизни. Я готов все отдать, даже жизнь, чтобы только его не было никогда.

Он закрыл лицо рукою и опустился на стул.

— Послушайте, — спокойнее заговорил он,—послушайте! Как всякому деревенскому учителю, мне с самого начала моей работы казалось, что ничего нельзя сделать с нашим крестьянином, пока не улучшатся условия его жизни. Жить в деревне и не видеть нищеты, безграмотности, невежества и темноты—значит быть слепым. Но не понимать того, что начинать надо с улучшения хозяйства, могут только люди, не видавшие нищеты. Ведь у нас все дело в этом. Потому я сам взялся за хозяйство, купил плуг, повесил вот барометр, начал пахать и сеять по агрономическим книжкам. Я показывал крестьянам, где, в чем начало новой их жизни. В новом хозяйстве.

Гость слушал с любопытством. Учитель вздохнул:

— Поймите же, что я чувствовал, когда увидел, как эти крестьяне начали грабить усадьбу, резать племенной скот. Они растаскали локомобиль по частям, они бросили в Волгу со смехом не только рояль, который им был не нужен, но побросали с горы жнейки. В конюшнях сгорели орловские рысаки — их не трогали, потому что ни на что не годились эти лошади—даже воду возить. Зажгли усадьбу, из которой можно было бы сделать школу, больницу... Было уничтожено прекрасное хозяйство, которого одного хватило бы, чтобы прокормить всю деревню так, как наши мужики едят только по праздникам.

И теперь в голосе Бокастова была тоска и жалость: можно было поверить, что он любил и жалел эти вещи, как живых людей.

— Конечно, — с тоской продолжал он, — конечно, они не ведали, что творили. Я должен был бы понять их тогда же, потому что на моих глазах рос их гнев, я был свидетелем жгучей ненависти их к барину, ухаживавшему за лошадьми и вымогавшему с них каждую копейку аренды, каждое зерно, выданное управляющим весной на семена... От меня не прятали мужики ни своего гнева, ни своей нужды, ни своих мук. Но я был знаком и с барином—я знал отношения тех и других друг к другу...

— И все-таки стали на сторону барина?—перебил гость.

— Нет,—твердо ответил Бокастов,— нет, никогда!.. Может быть, я своими разговорами с мужиками подлил не одну каплю масла в огонь. Но я знал только одно, что начало спасения в новом хозяйстве. Я ведь учил их детей в школе, я ведь знал, что они неграмотны потому, что нет валенок итти в школу, нет полушубка, чтобы добежать сюда. Нет вечером огня, чтобы выучить урок. Нет самой книжки, которую мог бы взрослый читать. Я не давал книжек из нашей школьной библиотеки, изданных святейшим синодом или правительствующим сенатом. И вот пришла одна революция, за нею другая. Я чуть не на коленях просил крестьян сделать имуществу опись, сдать все обществу, сделать общественным все барское хозяйство. Я тут с ума сходил... А крестьяне решили, что я хочу все вернуть барину, когда революция пройдет, и поступили по своему справедливо: ни ему, ни нам, коли так. А я плакал,—прибавил Бокастов шопотом, — когда жгли усадьбу.

— Как вы могли осуждать их, зная о темноте и невежестве? Ведь они уничтожали врага.

Учитель не заметил странного тона гостя. Он махнул рукой и сказал горько:

— Ах, я понял это очень скоро. Но тогда, тогда я ненавидел их за уничтожение такого богатства. И когда я услышал о вашей армии, о людях, несущих свободу, землю, культуру, вставших на борьбу с этой властью, которая даже не осудила никого за разгром усадьбы, тогда я желал, чтобы вы пришли.

— И мы пришли! — усмехнулся гость.

— Да, пришли! Я думал, что первым вашим делом будет защита хозяйства, восстановление его, а не расправа с крестьянами. Что же вы делали? Вы начали жечь то, что еще не было сожжено, вы дограбливали то, что еще оставалось в хозяйстве. И в первый момент я согласился с вашим офицером назваться начальником села. Я написал ему доклад о положении дела...

— С упоминанием виноватых.

Учитель охватил свою голову огромными руками, давно уже неотмывшимися от земли, в'евшейся в трещины кожи, и застыл неподвижно:

— Да. Да, но при условии, что распоряжаюсь в селе я и никаких наказаний без согласия со мной производится не будет. Ваш офицер обманул меня.

Гость молча вынул из кармана бумагу и развернул ее перед собой на столе:

— Вот это тот самый ваш доклад?— спросил он.

Учитель наклонился над столом и отступил:

— Какая подлость!

Он поднял невидящие глаза на окно, вспоминая другую далекую и страшную ночь. За окном раздался грохот.

Гость встал. Учитель крикнул: «Кто там?»—и торопливо вышел за двери.

Он ничего не увидел в темноте и, забыв об этом, вернулся назад.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ДОКУМЕНТ

Таинственный собеседник его взволнованно перечитывал документ, лежавший перед ним. Он мельком взглянул на вернувшегося в комнату учителя и пробормотал:

— Вам нечего беспокоиться, что нас подслушивают. В виду вашего отказа работать снова, этот документ будет представлен советским властям. Вас прикончат без нашего участия...

Эти слова, видимо, не произвели впечатления на учителя. Он усмехнулся тяжелой, безнадежной усмешкой:

— Не страшно, вы правы. То, что произошло тогда, было страшнее. Этот офицер, распоряжавшийся здесь, не только перепорол со своими казаками половину крестьян, но еще расстрелял тех четверых, которых я указал, как лиц, которым нет места в деревне... Из них трое были бандиты. Одного однажды чуть не убили мужики, застав в амбаре за кражей хлеба, а двое были заведомые конокрады, только не пойманные на месте преступления. Но четвертый...

Бокастов опустил голову:

— Четвертый был председателем совета и представителем большевистской власти. Он даже не был коммунистом, он только что возвратился с фронта. Это был честный человек. Я настаивал лишь на том, чтобы люди эти были высланы из деревни и арестованы до суда над ними. Я хотел устроить народный, крестьянский открытый суд над ними. Мы осудили бы бандитов, Щукина же оправдали бы...

— Офицерик распорядился до вашего суда.

— Да! Их расстреляли, там же, на пожарище.

— Всех?

— Всех, да...

Учитель изумленно посмотрел на задавшего странный вопрос странного человека и повторил:

— Да, всех! Почему вы об этом спрашиваете? Разве вы знаете что-нибудь?..

В голосе Бокастова скользнула странная тревога. Далеким эхом вспомнился рассказ Егорки о мужиках—он вздрогнул и настойчиво, до боли, стал потирать лоб.

— Нет, нет!—говорил гость спокойно,—нет! Я ничего не знаю. Я же говорил вам, что меня не было в этом селе. Здесь распоряжался казачий офицер...

— Да, — успокоился учитель —да! Он исчез довольно неожиданно. Мне, как начальнику села, пришлось два дня спустя потребовать, чтобы расстрелянные были похоронены...

— Где вы похоронили их?

— Да,—задумчиво ответил Бокастов,—да, я сам присутствовал там. Никто этого не знал и не знает. Казаки не хотели рыть могилы, я велел им зарыть их в погребе, там же, на пожарище. До сих пор никто не знает могилы, хотя многие догадываются, потому что погреб видели после зарытым... Да, мы зарыли всех четверых — они не могли ожить. Все были мертвы...

— И раздеты?

— Да! Лица были обезображены. Я хотел просить прощения у одного из них—но не мог узнать его. Потом на могиле я стоял на коленях и, как ребенок, стонал, почти плакал.

Учитель вздрогнул и взглянул на гостя с острой ненавистью. Тот слушал с любопытством. Бокастов резко встал:

— Я не хочу с вами говорить об этом!

— Нам нужно договориться

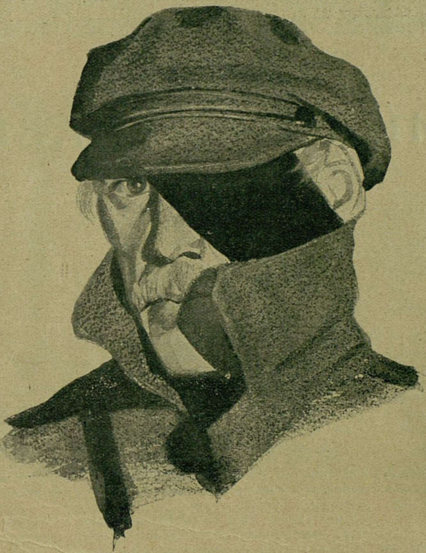
— Я уже сказал вам—нет!

— Подождите,—остановил его гость,—подождите! Мне нужно знать о том офицере, который осудил на смерть ни в чем неповинных людей. Вы говорили с ним после этого?

Бокастов вздохнул — какая-то непонятная сила была в вопросах гостя: они заставляли ему отвечать.

— Да! Я узнал в тот же вечер от этого пьяного офицера. Я отказался от звания начальника села и потребовал, чтобы он возвратил мне мой доклад. Он был очень пьян, он сочувствовал мне, плакал пьяными слезами над расстрелянными и полез в карман, чтобы вернуть мне документ.

— И не вернул? — спросил гость с чрезвычайным любопытством.

Черная повязка скрывала его лицо

— Да. Он обшарил все карманы и не мог найти этой бумаги. Потом он вспомнил, что один из расстрелянных, по описанию именно Щукин, который был очень спокоен, попросил перед казнью закурить. Офицер этот подал ему махорку и бумагу. Курительную бумагу он показывал мне—она действительно была у него в кармане. Вместо нее расстрелянному он подал мое письмо и не взял обратно этой бумажки, он забыл о ней, и она исчезла. Теперь я вижу, что он лгал.

— Почему вы решили, что он лгал?

— Потому что бумага лежит перед вами. Этот пьяный офицер, после моих требований и просьб итти на место казни вместе, ускакал верхом один. Он кричал мне, что сейчас же вернется и найдет бумагу, что он честный офицер и слово сдержит...

— И он не возвратился?

— Нет!

— Дня через три белые отступили?

— Да!

— И о вашем участии в этом деле никто не знал?

— Нет... нерешительно ответил учитель, — нет, но крестьяне догадывались, и мне долго не удавалось сойтись с ними попрежнему.

Они помолчали оба. Из-под козырька глаза гостя сверкали странным, насмешливым огоньком. Он прищурился и, спрятав в карман документ, сказал вызывающе:

— Все-таки я не вижу причин вашего отказа работать с нами. Все, что вы можете сказать в ваше оправдание перед советским судом, мало поможет делу. По вашей вине, по вашему доносу были расстреляны не только эти четверо и перепороты мужики. Мне известно, что когда арестовали Щукина, был убит ребенок, защищавший отца, умерла его мать, не вынесшая смерти мужа и сына... Все это лишние жертвы, за которые придется отвечать.

— Ребенок жив, — угрюмо заметил Бокастов.

Гость отшатнулся:

— Ребенок жив? — переспросил он в ужасе.

Голос его был тяжек и подавлен. Глаза были широко раскрыты. Он смотрел на учителя, не понимая.

— Да, жив! Пуля скользнула под кожей и кость осталась целой. Ребенок остался жив. — Учитель встал. Да это не важно. Я не собираюсь просить снисхождения. Я готов. Пред'являйте ваш документ куда нужно.

Он отвернулся к окну решительно и упрямо.

Гость встал.

— Значит вы отказались?

— Да!

— И вы полагаетесь на меня? Помните, что я могу представить бумагу. Вы готовы на суд?

— Готов!

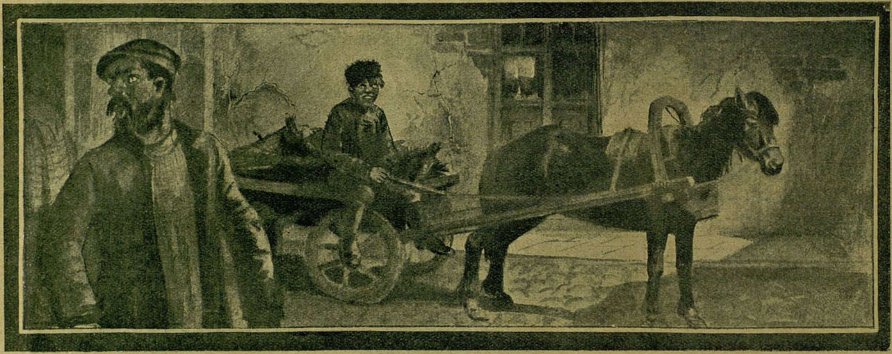
— Хорошо, прощайте! Я буду вашим судьей.

Он улыбнулся и пошел к выходу. Бокастов твердыми шагами последовал за ним. Он спокойно отворил дверь, и, когда посетитель вышел, так же спокойно запер ее и вернулся к себе.

В окно он видел, как медленными задумчивыми шагами таинственный незнакомец шел к селу, оглядываясь на деревенские избы.

Уже светало. Сиреневые облака быстро розовели на горизонте, прячась в вышине и очищая место восходящему солнцу.

(Продолжение следует)

Углей... углей... а вот угли-ин!..

Н. Богданов

Рисунки худ. П. Малькова

ЗИНОВЕЙ-ЧУМАЗЕЙ

I

«Зиновей-чумазей! Зиновей чумазей!» — дразнят его ребята, прыгая на одной ножке и строя удивительные рожи.

Зиновей спокоен.

Изредка, когда особенно доймут, сграбастает какого почище, да шершавой угольной голицей так ему вывеску разделает, что ребята бегают за неудачником целой улицей и визжат от удовольствия, когда, применяя самую жесткую мочалку и самое едучее мыло, потерпевший отмывает угольную мазню.

Как же быть Зиновею чистым?'

У него эта сажа не только до костей, дальше в'елась.

Не выходя из бани, надо год париться, и еще останется.

Вот он какой уголь!

Всегда у Зиновея рожа черная, да не просто, а разными расписами—и так и эдак, а помыться некогда.

Приезжают с отцом из Москвы потемну, а чуть зарассветит—отец Зиновея с печки стягивает:

— Ну-ну, не разлимонивайся!

Кое-как мазнет Зиновей лапой по глазам, перехватит горячей картошки, затянет длинный кафтан под самые ребра— и на свое кучерское место.

Только-только затрепыхались огненные петухи в окнах, не все еще хозяйки и печки затопили, они уж тронулись на работу.

Лошадь у них самая первейшая,— кляча, конечно, бурая и шершавая от угля, у ней, как и у отца и у Зиновея, только и блестят зубы да белки глаз.

Едут до Москвы все трое, не особенно торопясь; отец и сын, сидя на свежем хрустящем угле, покуривают, поплевывают, и отец тарабарит всю дорогу. На месте не посидит: то спрыгнет, то снова сядет, лошадь обежит, прутик сломает,—прямо зуда!

Зиновей хмурится и молчит.

Лошадь шагает в своем постоянном настроении, которое можно выразить словами известного поэта:

— «Уж не жду от жизни ничего я...»

Вообще сказать, лошадь и Зиновей друг друга понимают и чувствуют больше, чем отец их обоих вместе.

Отец одно—они другое.

Отец так—они совсем наоборот.

Из-за этого и вся оказия-то случилась.

А отец с начала до самого конца так ничего и не понял.

Пока они ехали, пока дребезжали по шоссе, рассвет стал совсем розовый, и вот ярко вырисовался утренне-свежий спокойный город.

И когда солнечное утро, как молодая работница в синем халате, настригло и набросало в щели улиц золотые полоски блестящей бумаги—солнечных лучей, все дремал город. Еще позевывал милиционер, переступая с ноги на ногу, и хохлились голуби на карнизах, еще бледнело электричество витрин — как вдруг далеко-далече зазвенел сломанный лед, дрогнули струны протянутых рельс, и, распевая и разбрасывая колючие синие цветы, побежали трамваи.

Покладистые дворники торопливей зашаркали метлами. Где-то громыхнул ломовой, зазвенел ключами кто-то, отпирая ларек, и чья-то рука—вон в верхнем этаже,—отдернула занавеску, просвечивая свежим воском на солнце.

Город просыпался.

А на окраинах давно горланили гудки.

— Углей... углей,—а вот угли-и-и-и!.. затянул высоко и чисто отец Зиновея, поднимая голову и широко распирая грудь.

Рабочий их день начался.

Отец идет по тротуару, заходит во дворы, заполняет их своим голосом. Эхо подкидывает его напев до самых верхних окон и растягивает в длинные арки и подвалы.

Нет-нет, да вдруг вылезает незавидная старушка или хозяйка в плисовом салопе с засаленным передом.

Тогда Зиновей останавливает клячу, насыпает нужную мерку, и серебряная монета ярко блестит на черной ладони. Дело сделано, Зиновей дергает вожжи и снова плетется по середке улицы.

Ехать покойно, ни грузовик, ни легковик, никто не раздавит, кому охота мараться об угольщика? И кляча спокойненько ковыляет по самым бешеным перекресткам.

Покупатель не част, и Зиновей учится чтению по вывескам, наблюдает городскую суетню и размышляет, как умеет, по-своему. Перво-наперво он на всех обижен и с этой точки зрения он смотрит на все.

Вот мимо синий блестящий «Фиат», фырк, и в сторону, как будто испугался измазаться о Зиновееву колымагу.

— Ишь ты, фыркает тоже!—обижается Зиновей на автомобиль,—а может, твой шоффер с моих углей чай пьет?!

Вот лихач на дутых шинах, покосился одним глазом и так презрительно, что Зиновея передергивает. Он смотрит на его спокойный широченный зад, точно вросший в козлы, и желает вдогонку:

— Уголек бы тебе горячий, ты бы взвозился, боров племенной, и рысаку твоему под хвост.

Зиновей видел, что и кляча его поглядела на рысака так, как будто бы тоже желала ему уголька под хвост.

Случайно взгляд Зиновея падает на окно—солнце расцветило убранную комнату, посредине стол, на нем самовар и вокруг всякая-всячина, за столом пьют чай, все чистые, веселые и совсем Зиновеем не интересуются.

— Вот лизоблюды, с моего угля чаем наслаждаются, дать бы вам его не кипяченый, небось бы рожи скорчили!

Окно проплывает мимо. Из-за угла человек с портфелем и прямо на оглоблю: с какой брезгливой гримасой стирал он сажу с рукава! И, главное, на Зиновея

и не взглянул. Никому до него нет дела, разве он человек? Он чумазей, чумазей игольный и больше никто.

И такая Зиновея забирает досада. Когда наездится вдоволь и угля под ним остается — только рогожку стряхнуть, — отец кончает кричать. — Уфф! накричался! — говорит он довольно, оглядывая пустую колымагу. Повертывает шапку задом наперед и садится ехать домой.

— Много беляков-то? — спрашивает он.

Зиновею все равно: не радуют медяки и беляки в кармане, Зиновей знает, что скажет отец:

— Полно насыпаешь, надо крупные не утряхивать, много больше выйдет!

Вот, ведь, чудак, но не все ли равно, на три гривенника лишних, — разве будешь от этого комиссаром? Все также чумазеем, только купишь лишний фунт кренделей или сотку горькой.

— Нет, не то, — и подступает Зиновею к глотке горечь, и кажется все бесполезным, ненужным.

Стоит ли терпеть такую насмешку, быть чумазеем и не человеком лишь за то, чтобы кое-как быть сытым да напиваться по праздникам и буянить, подражая отцу:

— Нет, но как же?..

Далеко рокочет город, они едут полем по мягкой пыли, и кляча грустно вздыхает об этом просторе, который манит впереди, который ей не видать никогда.

Зиновей оглядывается на Москву, над ней дрожит зарево, как будто бы чудесная душа города боится его шума, жмется и вот-вот хочет подняться розовым паром и улететь и раствориться в небе или застынуть вторым млечным путем.

Учась в школе, Зиновей много читал про дальние страны и другие миры, и под шопот усталых шин он дремлет и, настроенный красивым видением зарева, видит себя летящим к звездам, а они не звезды, а девушки в одних рубашках, им холодно в небе, и они перекатывают в руках угольки, которые согревают их.

Они узнают Зиновея, благодарят его за угольки, обдувают с него пыль и грязь, и вот он чистый, он радостный, как все...

— Тпру, стерва, городьбу своротил! — Зиновей от толчка стукается головой об телегу и, тараща глаза, тянет вожжи вправо.

— Куда ты, дьявол — домой приехали!

Вот и дома, усталый ужин, а там под дерюгу, и утром снова то же.

Вот она Зиновеева жисть!

Долго он ворочается с боку на бок и все придумывает, как изменить ее, куда деться ему, куда кинуться, чтобы не быть чумазеем.

Тяжело смыкаются глаза, засыпанные углем, и ночью он скрипит зубами, как будто и во рту ему мешает уголь.

II

— Нельзя, назад! — осаживает красная дубинка милиционера.

— Вот так попали! И что за столпотворение: куда ни ткнись — нельзя, везде народище, и все ребята, со знаменами, при музыке! — Зиновей тянет в переулок, колымага кренится, кляча на бок.

Держись за землю!

Слышит Зиновей смех, валясь, как мешок угля с косогора. Глянул, а колымага его попала в новую волну народа, валившую из переулка. Народ был сплошь мелочь, сотни — две ребят, все в синих рубашках с белым горошком и в красных галстуках. Они захлестнули колымагу, обступили клячу, кто-то погладил ее и показал черную ладонь.

Качать угольщика! Ура!

Окружающие залились смехом и визгом. Зиновей только собрался обидеться, как кто-то гаркнул:

— Качать угольщика, ура!!

Отец растопырил руки и рот разинул, как подмахнули его чумазея. При каждом взлете от него шла пыль и облачком оставалась в воздухе.

Ребята качали, не жалея ни сил, ни костюма: такая диковинка не всегда, жди еще, когда такой белоглазый негритенок попадет.

Когда Зиновея отпустили, он опять хотел рассердиться, но кто-то дружески хлопнул его по плечу: — «отряхнули, брат?» — Кто-то подсунул барабан и сказал:

— Умеешь трель?

Чей-то мокрый палец прогулялся по лицу, оставляя след. И все это делалось не на зло, а от чистого сердца, и Зиновея расцветила улыбка.

— Зубы-то, вот это зубы, всем пионерам пример!

— Ребята, возьмем его постыдить тех, кто зубы не чистит?!

— Пойдем с нами, на площадь!

— Эх, право, пойдем, отец один поездит. Пойдем, пойдем, — затормошили все, увлеченные этой озорной мыслью.

У Зиновея голова кругом.

Все от него отвертывались, а эти с собой зовут, такое ему диво!

— На, гоняй один! — бросил он отцу вожжи, и не успел тот оглянуться, как его чумазей ухлынул со всей толпой в гудящую и бурлящую улицу.

— Вот тебе раз, ну, и колгота нонче, — сплюнул старый чумазей и потянул клячу назад, во-свояси.

— Вон-вон, смотри-ка!

— Медвежонка повели!

— Где, где?

— Эх, какой!

— Да — нет...

— Негритенок, говорят?!

— Не может быть?

— Да это буржуазное чучело несут!

— Тьфу, чорт, просто угольщик, ишь ты, ведь, какого достали!

С таким шумом валила публика за шеренгой, в которой топал Зиновей, на парад с отрядом пионеров.

Он никак не поспевал в ногу, кафтан путался, сапоги хотели выворачивать камни, а руки лезли в разные стороны.

В витринах качалась его нелепая фигура, отражаясь десятки раз, но он не замечал ничего, глядя на колыхающиеся знамена, на улицу, текущую, живую, несущую его на Красную площадь.

— Парад у нас, понимаешь, вроде выставки, что ли, мы были пионеры-спартаки, а теперь переименуемся — в ленинцы.

— На площади там все будут!

— И Сталин и Рыков...

— И заграничные будут!

— Все нас приветствовать!

Об'ясняли Зиновею на перебой. От всех этих слов он туже подбирал живот и колесом выпирал грудь.

Когда подходили к площади, шум ракет пионерских и гром барабанов взвинтил и приподнял дух. С поднятыми головами прошли у мавзолея и стали на отведенное место.

Зиновей слова молвить не мог, оглядывая тысячи ребят, стройно стоявших рядами, окаймляя площадь. Были отряды все зеленые, были синие, были в белых

ПРОТАЛИНКИ

Появляются проталинки.
Уж не видно на горе,
Чтоб катались дети в валенках.
Вот весна уж на дворе.

Ветер теплый, чистый веется,
Ароматом рвется в дом.
У нас травка зеленеется,
Точно бархат под окном.

Уж скотину гонять в полюшко.
А в лесу же целый день
Соловей поет на волюшке.
Эх, на травку бы, под тень!

У ребят—веселье, радость,
То и знай, из дома в сад,
Каждый воздух пьет весенний,
Каждый, каждый солнцу рад.

Деткор **И. Фомин**

рубашках и все играли и цвели на веселом солнце.

— Вот это сила! восхитился Зиновей.

А когда высокий черный дядя выкрикнул с трибуны заражающие, непонятные Зиновеем слова, один парень во всем зеленом махнул флагом.

«Всегда готовы»! — ахнули ряды, разом взыграли трубы во всех концах и зарокотали барабаны.

Зиновей не успел крикнуть вместе со всеми и, когда стих шум, гаркнул один:

— Всегда готовы!

Его голос забился испуганной птицей, и все обернулись к нему.

Он смущенно повернул шапку задом наперед, как делают угольщики во всех затруднительных случаях, и пробурчал:

— Припоздал...

Говорили еще много. Выходила такая седая старушка.

— Клара Цеткин,—шептал сосед.

Она говорила на непонятном языке, сжимала кулаки и показывала кому-то далекому, кто там, где-то за Кремлем, еще дальше, притаился врагом.

Опять играли трубы и барабаны, били и часы на площади; проиграли «Интернационал». Скоро квадрат за квадратом покатились отряды обратно, неся имя пионеров-ленинцев.

Зиновей не понял всего, понял одно— что все это диковинное, необыкновенно большое, и захотелось ему к ним, влиться в этот квадрат, одинаковым, равноправным и участвовать в этом, в чем-то большом и неизведанном, что они делают.

Долго ему об'ясняли про пионеров, кое-что он и сам слыхал и, выслушав терпеливо, он снял свою баранью шапку, нахлобучил еще крепче и ляпнул:

— Чего там, берите меня к себе, я ведь, во!..

И он повел широкими плечами дескать в драке не выдам!

— В пионеры хочешь?

— Ну да!

— А где живешь-то?

— Верст за пятнадцать, в Лукине, отец, значит, угольщик...

— Ага, вот там и запишись, там пионеры, кажется, есть.

— Не про то я,—вы меня чтоб совсем взяли и жить к себе, я уже вам чего хошь—двор там подместь, построгать что, оправить, все могу!

— Нельзя нам так, невозможно, вот если в Москве станешь жить, приходи! И дали Зиновею адресок ребята, все, как один, в синих гороховых рубашках с ситцевой фабрики. Зиновей спрятал этот талисман за пазуху и, сразу решив, как ему действовать, потопал домой.

Пришел на заре, только дремнул, отец за ногу—не разлимонивайся, пора ехать.

— Ехать-то ехать, только дело такое, ффуу, - начал Зиновей, очищая от кожуры горячую картошку и дуя на пальцы.

— Ффу, дело говорю такое, закрыта моя дорога, а тебе, я сам слыхал, дворником предлагали.

— Чего городишь?

— Я говорю, в том доме знакомец-то звал в дворники тебя, брось, говорит, грязное дело, будь чистым дворником.

— Да тебе-то што?

— А мне там дело есть тоже, ты в дворниках, а я в пионерах, а то оба чумазеи так век и будем.

— Ат што выдумал, ат, дурная голова, што-ж я, истукан, што ли, торчать с метлой день и ночь. Тут я себе хозяин, тут я куда хошь нонче Тверская, завтра Питерская, всякое тебе разгляденье и народ всякий, да и стану я от своей лошади, от всего заведения на ходу в чужой хомут залезать?

— Чем тебе наша жисть плоха?

— Чумазей, пусть чумазей, эко позор, обмоешься, зато сам себе голова!..

Отец сказал целую речь; разиня рот, слушал Зиновей, никогда он этого от него не чаял.

— Вот тебе раз, значит ему нравится с чумазой рожей распевать ходить! Ну, постой,—смекает Зиновей.

— Тять, а вот лошадь у тебя падет, не миновать в дворники, не накопил ведь на лошадь-то?

— Накопишь с вами! Авось не падет, успеем и накопить, ешь, да за дело, городские петухи, слышь, горланят...

И впрямь далеко по заре погудывали гудки.

III

Когда переезжали Москву-реку, по деревянному волнистому мостику, край солнца так заиграл, что по воде пошла свежая солнечная кровь причудливыми завитушками.

Зиновей поглядел на лошадь и подумал: «а лошадиная кровь светлее человечьей, безответная она, лошадь»!

Лошадь повела на него пронизанные солнцем невиданные глаза, и у Зиновея похолодело сердце: «знает она лошадь, чует, что я хочу»!

— Можно, ведь можно?—спрашивает он ее взглядом, — тебе ведь все равно, нынче околеть, иль завтра, а мне из чумазеев вылезть больно охота. Можно!!

Глаза ее покорно потухли, и Зиновей увидел в этом согласие.

— Ладно, устрою так, что сразу отмучаешься!

Всю дорогу он не хлыстнул ее, все шел рядом и тепло поглядывал в спокойные теперь глаза.

Отец ничего не догадывался, обегал он дорогу тропинками, подпрыгивал, сшибал кнутом лопухи и выпугивал из кустов птиц.

ВЕСНА

Зима кряхтит и тужится
За снежными дверями:
Везде блистают лужицы
Цветными пузырями.

Кривится солнца рожица
Смеясь, дрожит лучами
Зима ворчит и ежится
Костлявыми плечами.

Задорный ветер кружится,
Несет снегам разруху,
И топит в серой лужице
Безвольную старуху.

Она кряхтит, противится,
И тает от бессилья...
И там весна-счастливица
Раскрыла мощно крылья.

Деткор **Евгений Малютин**.

Смешно трепыхалась его рваная поддевка и папаха хотела свалиться на удивленный вздернутый его нос.

— А быть тебе дворником, — думает Зиновей.

Вот и город.

Трескотно и легко, как стрекозы, несутся навстречу велосипедисты по Петровскому парку. Тяжело громыхнул трамвай, и у Зиновея екнуло сердце, лошадь на него поглядела!

Но решение его твердо и отчетливо и спокойно выбирает он удобное для этого место. Он даже не взволнован, отпускает уголь по всем правилам, насыпая не утряхивая, где зевнут — не домеривая, копейку сдачи не находя.

Отец весь отдается любимому пенью.

— Угли... угли, а вот углей!..

Вот крутой спуск и с горы, раскачиваясь и виляя от неудержимого бега, летит «Б».

— Только ты и покричал,—озорно решает Зиновей, и когда мелькает испуганное лицо вагоновожатого, он ловко вгоняет лошадь под железную красную грудь трамвая.

Что-то хлипнуло, брызнуло, страшно затрещала колымага, крошимая железным конем. Зиновей не успел отскочить, как его приподняло, сграбастало и начало кромсать вместе с обломками колымаги.

Он закричал, еще раз дернулся и выполз на горячие камни у рельс, где хрипела изуродованная лошадиная голова. Что-то теплое и липкое ласково закрыло глаза,—попытался открыть, глянул и увидел, и запомнил навсегда, как застыли в глазах лошади и перевернулись улица, трамвай и дымное городское небо.

И руки и ноги страшной тяжестью потянуло вниз и он уронил грудь в лужу лошадиной, не светлой, а черной крови...

Карета скорой помощи доставила Зиновея в больницу.

— Вот тебе и два, вот тебе и два,— разводил отец руками, - жив-то будет?

Сестра во всем белом, захлопнувшая перед ним стеклянные матовые двери, уверенно сказала:

— Будет, конечно, будет, только не скоро.

— Ах ты грех какой, всегда ездил, а тут на! Вот тебе и в дворники, прямо чудо, только перед этим говорили, ат ты грех какой!

— Вы идите-ка домой, тут все сделают, — отстранялась белая сестра от старого чумазея.

Пятясь задом, он пошел. Следом пронесли полный ваты, крови и кусочков мяса, таз, но это было так обыкновенно здесь, что и он не обратил внимания и дорогой больше думал не о Зиновее, а о том, как бы сделать так, чтобы не ходить в дворники.

И лошадь, и колымага, и угля на восемь рублей —все сожрал трамвай.

Мальчишка бредил.

Он метался изломанным телом по мягким подушкам, по белым больничным простыням и запекшимися губами бормотал что-то несвязное.

— «Будь готов!», «чумазей», «возьмете меня теперь»,—улавливала сестра отдельные обрывки фраз. Что-то много говорил он про дворников и вдруг, открыв глаза, совсем настоящие, не бредовые, спросил сестру:

— Отец теперь в дворниках?

— В дворниках, в дворниках, машинально ответила она.

Он тихо закрыл глаза и забылся.

— Вот крепыш, — подумала сестра,— ведь выживет, еще крепче будет.

Три дня Зиновей был в бреду, лицо его осунулось и курносый нос заострился. На четвертый ему стало легче.

Солнце осторожно, как молодой курчавый доктор Николай Петрович, просунуло через окошко два своих лучистых пальца, пощекотало Зиновею глаза и зашарило по его смуглому телу.

Он улыбался и почуял себя крепко и бодро. Поглядел на забинтованные руки, на ногу, затиснутую в лубок—ничего, такие же будут, зато теперь уж... и Зиновей зажмурился, представляя себя в гороховой рубашке и галстухе.

— К тебе отец,—сказала сестра и впустила в дверь что-то черное и лохматое. Зиновею блеснули яркие зубы и, почудилось, отец потихоньку заржал.

Он опять улыбался.

— Ну, как? Говоришь, здоровеешь?—радостно заговорил отец, наполняя гамом комнатку.—Вали, вали, поправляйся скорей, а об лошади не тужи, мне комитет взаимопомощи спосдобил, теперь у нас с тобой ох и конь,—еще первейшая кляча,вчерась купил! .

Зиновей остановил глаза и застыл...

— Здорово, а? Ха-ха-ха, а экипажа-то наша вся вдрызг, новую делаю с кучерской скамейкой, поправляйся, да опять выедем!..

Тут отец остановился.

Зиновей лежал на подушках вниз лицом.

Сестра сердилась, выпроваживая угольщика:—расстроили парнишку,—не могли по-хорошему!

— Да я все по-хорошему, я уж, кажись, для него все... вот забыл совсем, гостинца ему, вот,—и отец сунул сестре пакетик с леденцами.

Зиновей леденцы и не уважил — затосковал. Доктор, солнечный Николай Петрович, взявшийся заново отделать его поломанное тело, обеспокоился.

— Нет желания у него поправляться, надо его расшевелить.

Сестра тормошила Зиновея, расспрашивала, но он упорно, утыкался носом в подушку.

— Дикий ты человечек,—сказала она ему. Тогда Зиновей медленно повернулся навзничь, выпростал забинтованные руки и ответил:

Нет, я не дикий, линия моя такая особенная, чумазая, не один товарищ не пристает.

— И навестить тебя некому?

— Нет...

— Да-а.

— Хотя постой,—Зиновей пошевелил пальцем около носа,—где мои штаны?

— Штаны?

— Ну да, шкурные штаны, из овечьей шкуры они, уголь не проедает.

— Их наверно выбросили, они очень рваные да пахучие.

— Что пахучие — это действительно, согласился Зиновей, — а вот выбросили зря, в штанах у меня штука осталась, записка, вроде адреса. Ребята мне дали в гороховых рубахах, с ними я на празднике шагал—их бы отыскать, артельные ребята.

— Да кто они такие, может, так найдешь?

— Пионеры они, музыку били, при своем особом флаге.

— Номер отряда не помнишь?

— Нет.

— Вот досадно!

— А все вы виноваты, штаны им пахучие! Тут хуже пилюлями разными разит — ничего, принюхались, штаны пахучие,—а теперь вот и оставайся я один.

— Постой,—сказал сосед с койки, веснущатый ершистый рабочий, у которого отняло руку, попавшую в машину.

— Постой, братишка, у нас на заводе тоже пионеры есть и при музыке, и с особым флагом. У них разницы нет: какой отряд—все равно, напишу я им про тебя.

— Правильно, пиши, а если что сомнительно, пропиши, что кабы не штаны, не беспокоил бы я их.

— Ладно!

Сосед написал.

Прошло десяток плохих и хороших дней. Пионеры все не шли, и Зиновей затосковал совсем.

И вот под вечер, когда засинели в переулках сумерки и глуше стал гомон города, в открытое окно больницы доплеснулся знакомый свежий и радостный чей-то напев.

— Углей ..углей! Эх, во-от углии!— Человек давно не пел и теперь выводил радостно и свежо.

— Отец, — угадал Зиновей, ишь как разливается!—И он представил себе, как высоко задрана его черная голова и блестят зубы...

— А какая у него лошадь? А какой тарантас?—И такое Зиновея взяло любопытство.

— Вот бы посмотреть!

— А не проехаться ли теперь разок? Попробовать, а?

Зиновей встал и, пошатываясь на непослушных еще ногах, пошагал к окну.

— Куда, куда? — бросилась на него сестра и хотела оттащить обратно.

Зиновей так крепко и решительно отстранил ее, что она протянула:

— У, медвежонок, не в больнице тебе лежать, а колоды ворочать. Да вот к тебе и гости! — В дверь, деловито, как на собрание, вошли три пионера, деловито отдали салют и сказали:

— Нам отряд поручил поговорить с....

Зиновей не отрывался от окна.

— Постой, постой, серая, лошадь-то, в яблоках, а экипаж и впрямь с сиденьем. Ух-ты!

— Тятько,—заорал он во все горло,—едем, штоль, я готов!

— А вот угли... кому углей!— вывел напоследок, озоруя, отец и, скаля зубы, погрозил Зиновею кнутовищем.

— Я за тобой, чорт отмытый!

— Ходи скорей!

... Мы вот по записке, по поручению отряда пришли... Начал опять один из пионеров.

Зиновей обернулся.—Некогда мне, видал, отец под'ехал, а лошадь-то в яблоках... Вы уж не серчайте, кабы не штаны...

Тут ввалился сам угольщик и, боясь измазаться о такое чучело, пионеры подались к дверям

Тем дело и кончилось.

Пока все ездит Зиновей попрежнему. И лошадь новая почернела и сам почернел. Когда услышишь напев: — Углей, кому углей!.. — глянь в окно, может быть увидишь, Зиновея-чумазея.

Зиновей остановил глаза и застыл

НАША ЖИЗНЬ

ЗАБЫЛИ НАС

При ст. Брянск, М.-К.-В. ж. д., имеется 12 отрядов пионеров, которым при рабочем клубе было отведено помещение в 3 комнаты, вместимость которых не соответствовала количеству пионеров и неорганизованных ребят, охотно посещающих клуб пионеров.

В зимний период мы поставили перед собой главную задачу—вовлечение неорганизованных ребят в пионер-ряды, что в нашей обстановке невозможно было выполнить, в виду того, что в клубе от тесноты нет никакой возможности ни провести с ребятами беседы, ни поиграть в игры.

Комсомольцы, прикрепленные ячейкой, не только помогают нам, но даже ни разу не пришли осведомиться, что мы делаем—как забыли о нас!

Так как среди пионеров есть еще много несознательных ребят, которые недалеко ушли от неорганизованных ребят, то в том же клубе часто между пионерами и неорганизованными ребятами возникали ссоры, главным образом, из-за шахмат.

В связи с этим стало возрастать недовольства, главным образом, со стороны неорганизованных ребят, которые, желая учинить зло пионерам, приходили в клуб, дрались, ругались, разбрасывали игры и т. д.

Такая «работа», вернее, беспорядок, в клубе продолжалась почти 3 месяца и, конечно, повлекла за собой очень дурные последствия: стены клуба порасковыряли, в окнах выбили несколько стекол, и вообще клуб, в котором побывали такие «гости», стал неузнаваем и даже страшен.

Однажды был случай такого рода: вечером в клубе было заседание редколлегии одного из отрядов, а неорганизованные ребята закрыли со всех сторон двери и бросили в одну горящую головешку.

Так как двери были закрыты, то пионерам, находящимся в клубе, в силу необходимости, для того, чтобы выйти на улицу, пришлось будить сторожиху, которая спала, и пройти через ее дверь.

В конце-концов, неорганизованные ребята стали преобладать над пионерами в клубе; пионеры стали даже бояться ходить мимо клуба.

Постепенно они были совсем вытеснены.

С течением времени неорганизованные ребята до того взяли власть в свои руки, что в одно прекрасное для них время чуть не побили зав. клуба, а однажды вечером засели за крыльцом и всех пионеров, выходивших из клуба, мазали красками, а кто сопротивлялся, тот получал даже подзатыльники.

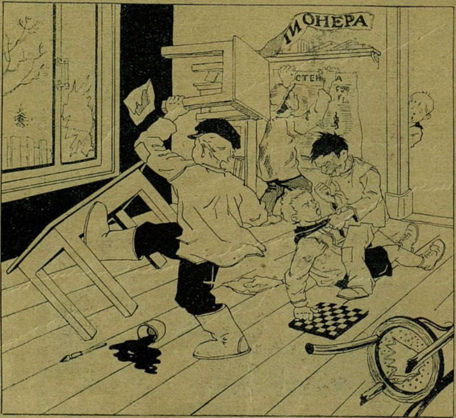
Вот под какой защитой и в каких условиях протекала наша зимняя работа.

Ст. Брянск, М.-К.-В. ж. д., Фокинский поселок, шк. № 19.

Чирко.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Пионеры ст. Брянск М.-К.-В. ж. д., жалуются, что комсомольцы «забыли» их. А что же сделали сами пионеры по работе с неорганизованными ребятами? По заметке можно заключить, что сами-то они никакой работы даже не попытались провести.

Часто между неорганизованными и пионерами были ссоры...

ЧТЕНИЕ В СЕМЬЕ

Вечером мать сидела и шила. У меня было несколько журналов «Пионер», принесенных из клуба.

Я взял журнал за март 1924 г., прочитал рассказ «Жиган».

После прочтения мать, утирая слезы, говорила: «Многие погибли, кто погибал — знал за что — за дело, жалко; жалко и тех, обманутых, кто погибал, сам не зная, за что».

Мать чтением осталась довольна. Я думаю, что ребята должны в своих семьях устраивать такие чтения.

Кудинов

С. Б. Липовицкое, Тамбовской губ.

О ГАЛСТУКАХ

Т.т. пионеры, у нас, в гор. Рязани среди пионеров наблюдается такое явление, что пионеры совершенно не носят красных галстуков. Придя в отряд или в школу, не увидишь ни одного пионера, у которого имелся бы на шее галстук, а поэтому нельзя отличить учащихся от пионеров. Этим особенно выделяются старшие ребята, которые стыдятся надеть галстуки.

Лишь на какой-нибудь пионерский вечер или конференцию юных пионеров тогда все надевают галстуки. Также нужно сказать несколько слов о салюте юных пионеров, к которому тоже неважное отношение. Во время «Интернационала» при большой публике и когда пионеров мало, они часто не отдают салюг. Ведь галстук для пионера должен быть не только на сборах отряда и в школе, он должен быть на пионере в повседневной жизни. Это, пионеры, позор, кто не носит красный галстук.

Высказывайтесь, ребята, как обстоит у вас.

В нашем отряде введена новая система проведения собраний, а именно: раньше на сборах отряда вожатый ставил длинные, нелепые доклады продолжающиеся около $2^1/_2$ часов, от которых ребята чуть не спали.

Работа протекала однообразно, а поэтому посещаемость сильно упала, но в настоящее время ребята с комсомольцами принялись за оживление работы, теперь время сбора отряда ограничилось до 1 часа, в который комсомольцы ставят небольшие беседы и учат пионеров разучивать песни, пьесы, иногда играют в игры.

Приходят в отряд красноармейцы, которые проводят с пионерами физкультуру.

Ребята при отряде сделали кукольный театр, в котором ставят различные пьесы, что, конечно, интересует нетолько октябрят и пионеров, но и комсомольцев, а также красноармейцев.

Благодаря комсомольцам и красноармейцам работа отряда пошла на лад.

И. Осин

Рязань. Отряд им. Калинина.

ПЕРВАЯ НЕУДАЧА

Пришла из города «бумажка», в которой назначалось отряду вести работу

Валька отразил нападение врага валенком

с батраками в ближайших деревнях и по силе возможности взять над ними шефство. Первому звену досталась маленькая глухая деревушка И вот в воскресенье занятий нет; солнце только что выходило из-за серебряного в инее леса. По хрустящему, как песок, снегу шагали три фигуры. То были Валька, Тишка и Семка. В одиннадцать с половиной часов и ни минутой позже наши делегаты очутились у деревни. На небольшом пруду каталось несколько ребят; подошли к ним, улыбаются, чего сказать не знают, с чего начать — тоже.

Валька вывел всех из положения: заметил у двух неправильно подвязанные коньки. Все трое начинают об'яснять, как нужно правильно подвязывать.

У одного парня голое горло. Семка в санкоме—советует завязать горло. Велика беда—почин. Начинают осмеливаться, спрашивают: «Кто вы?» — «Пионеры». Не понимают, что за пионеры. Начинают рассказывать.

Время идет, решают приступить к делу. Валька расспрашивает о сиротах где они живут, работают, кто есть из родных. Тишка с Семкой записывают.

Крайний батрак в деревне, Санька Пахонин, работает у бывшего городского лавочника Рахтеева; через три дома живет бабушка Саньки. Пошли задами, чтобы лишними не казаться и не обращать на себя внимание любопытных. Решили пойти прямо к бабушке и расспросить о внуке. Прошли дом Рахтеева, миновали гумно с баней, занесенные снегом, перелезли через плетень, два раза тонули по шею в сугробах и остановились около крошечной избушки, показанной ребятами. Долго не могли открыть крошечную дверцу, нажимали массу планочек и гвоздиков, наконец, попалась какая-то веревочка, за которую и потянули, после чего дверь сама отворилась. В сенцах тщательно отряхнулись от снега и отворили дверь в избу. Первое, что попалось на глаза троим путешественникам по общественно-полезной работе, это несколько сот тараканов, кинувшихся от двери во все стороны: по потолку, стенам и полу. У стола сидела старуха; она, прищурившись, смотрела на пришедших. Валька выдвинулся вперед:

— Здравствуйте, бабушка.

— Здравствуйте, родные.

— У тебя, бабушка, внук Санька в работниках живет у Рахтеева?

— У меня; а на што вам?

— Да вот пришли узнать, как живется ему у хозяина. Если плохо, так мы как-нибудь поможем ему.

— Он мало и приходит, все говорит—некогда; прибежит ненадолго, да и уйдет. Садитесь вот,—и она столкнула с лавки черную шапку: — брысь ты! Сходи, Ванюша, за ним, родимый, у него и спросите.

С печки слез раньше непримеченный пионерами мальчуган, молча напялил рваный полушубок, столкнутый бабушкой и принятый за кошку малахай, и ушел.

Пионеры сели на лавку. Старуха стала рассказывать о своей горькой жизни: жаловалась на старость, на ломоту спины и т. д. Минут через десять пришел Ванюшка, молча стал раздеваться, коротко сказал:

— Не достану щеколду,—и залез на прежнее место.

— Пойти самой, — с оханьем сказала бабушка, надела тот же полушубок, вышла и мелькнула за маленьким окошком, которое слабо пропускало свет в свои промерзшие стекла. Стало тихо. Лишь шуршали тараканы, да посапывал на печи Ванюшка.

— Иди сюда, — поманил его Тишка пальцем.

— Зацем?

— Поговорим о чем-нибудь.

Мальчуган слез и подошел к столу.

— Санька твой брат? — не унимался Тишка.

— Брат.

— Так. А читать ты умеешь?

— Нет, только писать.

Пионеры удивились неграмотному писарю, дали клочок бумаги и карандаш и просили что-нибудь написать.

Мальчуган подумал, потом стал рисовать кота, вышедшего откуда-то из-за печки.

Тишка с Валькой похвалили его рисунок, как знатоки художества, и об'яснили, что это рисованием называется, а не писанием.

Не успел художник с натуры кончить рисовать, как кот дико мяукнул и высоко подпрыгнул, потом стал быстро вертеться на одном месте, как бы не давая себя дорисовать. Все трое с удивлением стали смотреть на бесившегося кота, а Ванюшка перепрыгнул с лавки на другую, затем на приступку и на печку и оттуда стал звать нас. Нам тоже ничего не оставалось делать, как отступить на печку, так как кот принял наступающее положение, с пеной у рта стал красться из-за ножки стола к ногам. Быстро взгромоздились все на печь и вооружились, чем попало, в случае, если враг будет осаждать укрепление. Кот стал проделывать новый номер: он стал бросаться на стены, сшиб с наддверной полки кружок с сушившимися тыквенными семенами.

В это время кот вспрыгнул на печь, но Валька успел ударить его валенком, и он свалился в небольшой прогал между печкой и стеной; оттуда, как из-за кулис, на сцену выходят все новые «артисты»: выскочил сорвавшийся с привязи теленок, скакнул раза два по избе и, прыгнув в окошко с ремнем на шее, исчез за простенком. Один за другим, все четверо последовали примеру теленка, предоставив коту полное право беситься в избе. Теленка поймал какой-то парень и вел к избушке. Кот куда-то исчез, когда, ободренные парнем, вошли в избу. Пришла старуха, рассказали ей, что произошло в ее отсутствие, занавесили окно рогожей, теленка привязали на прежнее место. Санька, оказалось, уехал с сыном Рахтеева в город с извозом, приедет во вторник.

Солнце уже близко стояло к закату. Пионеры стали собираться домой. Парень расспросил их, зачем они приходили, далеко ли итти—и обещал найти попутчика на лошади.

Лошадь рванула...

Попутчик был небольшой старичок бывший кухонный мужик у барина; звать его Маркел, а по прозванию «Мар-

кел дрожжи с'ел», это в честь с'еденных им, принятых за пряник, дрожжей у барина на кухне. В настоящее время он был кулачком, имел работника и пару лошадей, одну он в данный момент запрягал. Не по душе ему были попутчики. Но отказывать было неловко, скрепя сердце, посадил пионеров в задок, а сам сел в передок саней, и тронулись. Сидели молча все трое и горестно переносили неудачу. Не удалось с одним устроиться в день, а там их еще четверо записано; долго ходить придется. Морозило сильней, чем утром. Корчились в своем «кой-чем», а кучер сидел, как ни в чем не бывало, в тулупе, и все сдерживал лошадь, пытавшуюся перейти из шага в рысь. Досадно было смотреть на бронированную спину Маркела от мороза и его сдерживание лошади, в которой играла молодая застоявшаяся кровь.

Валька нечаянно спустил ногу с саней и почерпнул в сапог снегу, снял его и стал вытряхивать снег. И о, чудо, вместе с тем и радость пионеров: лошадь понеслась, что было сил; напрасно старик пытался сдержать бешеную скачку лошади, и все время приговаривал:

— Что ты, соколик, что с тобой?.. когда сроду...

Но соколик не обращал на старика внимания, а покашивался на сапог и несся, сломя голову.

Мы догадались, что лошадь боится сапога; по очереди снимали сапоги, потряхивая им в воздухе, когда лошадь приостанавливалась. Наконец, к сапогу лошадь стала относиться равнодушно, старик же не замечал причины скачки лошади. Валька снял, вывернул лохматую шапку и подкинул ее вверх. Но это превзошло всякие меры: лошадь рванула, старик удержался, благодаря вожжам, а пионеры полетели вверх и ухнулись в глубокий снег рядом с дорогой. Лицо жгло снегом, снег забивался за воротник и рукава, таял и струился по телу. Когда поднялись и вылезли на дорогу, старик несся далеко впереди.

До школы оставалось около полутора верст. Кое-как рысью добрались мы, когда уже стемнело.

Вечером на звеньевом сборе вожатый читает: «Отчет выделенных нами от звена по работе с батраками».

По нашим рожам все догадались об «успехе» данного поручения. Решено в следующий раз итти всем звеном для выполнения этой трудной задачи и провести ее до конца, а не бросать начатое дело.

Пионер отряда № 34 при Скугареевской с.-х. школе Ульяновского уезда и губ.

В. Рубцов

Наши братья на Западе

МАЛЕНЬКИЕ ПОДПОЛЬЩИКИ

Первое собрание нашей самой молодой группы.

Топот нескольких пар ног. Вбегают восемь маленьких фигурок. Все мальчики. Одеты бедно, у всех замерзли щеки, носики. Топают промерзшими ногами в ботинках, из отверстий которых пальцы просят каши. Ух! Холодно. Подружились мы скоро и через час были уже хорошими знакомыми.

После шестинедельной работы уже было у нас шесть групп.

Это были дети рабочих, некоторые из ребят сами работают на фабрике.

Сразу же в начале работы дали себя чувствовать трудности. Больше всего мешало нам отсутствие квартиры для собрания. Но уже по истечении месяца на одной из квартир у нас была уже библиотечка. Это было собрание в 30—40 книжек, которые ребята в очень скором времени расхватали.

Дети всем очень интересовались, после каждой беседы возникали длинные и горячие прения. Помню, как одна из групп без нашего ведома устроила целый диспут на тему: «Что такое частная собственность и нужно ли ее уничтожить». Беседы всегда нужно было проводить очень осторожно, потому что ребята могли проболтаться и возбудить подозрения полиции. Игры занимали у нас также почетное место, но наиграться достаточно мы никогда не могли, потому что всегда как раз в самую интересную минуту нас бесцеремонно выбрасывали из квартиры, вследствие невозможного шума.

Группы наши были очень боевые. Помню, перед 1 мая пришлось с ребятами выдержать целую борьбу. Они обязательно хотели итти на демонстрацию и притом в первых рядах. Они убеждали нас, что в них стрелять не будут, и таким образом они защитят старших товарищей: «Ну, а если будут стрелять, то мы уже достаточно большие, чтобы погибнуть за рабочее дело»,—говорили.

Долго, долго пришлось убеждать их, что прежде, чем погибнуть за рабочее дело, они для этого дела еще много должны поработать.

Собственно, пионерами в Польше называют ребят не из детских коммунистических групп, а более старших, подростков 14—15 лет. Пионерская организация образовалась у нас в Варшаве летом прошлого года. Сейчас имеется около 50 пионеров. Конечно, это подпольная организация.

Вот как работают наши пионеры.

Одна из варшавских школ; — перемена. В углу коридора собралась группа ребят в пять человек. О чем-то горячо спорят, перешоптываются. Лица красные, глаза горят.

О чем они так горячо спорят таинственным шопотом?

Разговор был, приблизительно, в таком духе:

— Не знаешь какой район?

— Кажется, Повислие[1]).

— А банка есть?

— Да, из-под консервов.

— Смотрите, разбавляйте водой, иначе получатся клецки?

— Не забудьте в 12 часов!

Что это такое? — О чем они разговаривают?

Ничего особенного. Это только собирается школьное пионерское звено на «Лепку» (расклейка прокламаций).

Ночь. По тихим, уснувшим в снегу улицам Повислия тихо идут небольшие фигурки. Их две группки, по три человека каждая.

Это пятерка пионеров с одним комсомольцем-руководителем уже вышла на первую в жизни лепку. В каждой группке одинаковая организация труда. Один держит в одной руке банку с клейстером, в другой кисть. Он весь в клею. Руки, нос, лицо, чулки и куртка— решительно все; если бы его самого приложить к стене, без сомнения, он бы приклеился. Третий стоит на посту. Он только должен смотреть, смотреть и слушать, не приближаются ли шаги. Все работают молча, сосредоточенно.

Каждый плакат должен быть с любовью осмотрен, приглажен.

Все работают молча

[1]) Один из районов Варшавы

Завтра весь город, все стены домов будут усеяны этими прокламациями.

Время от времени появляется запоздалый прохожий или полицейский. Тогда ребята моментально прячут клей и, делая беспечный вид, бормоча под нос песенку, проходят дальше.

Вот наклеен последний плакат. Теперь ждет не совсем приятный финал— гнев родителей, а будет он порядочным. Первый раз возвращаются так поздно домой, и ничем нельзя об'яснить. Но все ничего по сравнению с тем, что встретит несчастного носителя клея. Ведь испорчена вся одежда. Но что это значит с теми опасностями, которыми подвергаются наши пионеры каждую минуту? Всех их могут удалить из школы, всегда им грозит тюрьма.

Но ничто не сломит их горячей преданности делу.

Комсомолка Анка.

Польша.

ТРЕБОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Недавно в Париже происходила конференция детских коммунистических групп Франции.

На этой конференции были делегаты от трех тысяч французских пионеров.

Французские пионеры-школьники выдвинули требования об улучшении школьного обучения.

Они потребовали, чтоб упразднили телесные наказания, которые теперь применяют во французских школах, чтоб изгнали из школ жестоких и враждебных рабочему классу учителей.

Французские пионеры не хотят, чтоб католические попы набивали им головы религией, а учителя внушали бы любовь к отечеству, где властвуют капиталисты, которые эксплоатируют их отцов.

Во Франции надо платить не только за обучение, но даже за посещение школьных праздников—вечеров, и за помощь врача при школе.

Пионеры требуют, чтобы все это было доступно детям, не имеющим возможности платить.

Пионеры Франции готовятся к большой борьбе в школе.

НАША ШКОЛА

Наша группа состоит из 108 пионеров, и разбита на три школьных ячейки. В наших школах все учителя—реакционеры. За каждую малейшую провинность нас, ребят, бьют розгами. Мы, юные спартаки, боремся против учителей-истязателей. Поэтому мы для них,—как «бельмо на глазу». Учителя добились того, что мы не имеем помещения для своих собраний. Но рабочие Вейсенфельса предоставили нам комнату в Доме Союзов. 9 декабря у нас был большой праздник пятилетия коммунистических детских организаций. Комсомол передал нам новое знамя. Тринадцатилетний пионер из Берлина описывал нам положение в России, все, что он летом сам видел. Мы были так воодушевлены его речью, что, казалось, все переживали сами. Если бы только у нас так было! Каждая школьная ячейка разыграла пьесу. Кончили пением «Интернационала». Русские пионеры, пишите нам о вашей пионерской жизни! Ждем скорого ответа!

С коммунистическим приветом!
Всегда готовы!

Пионеры Союза Юн. Спартака
Германия, гор. Вейсенфельс.

О первом мая

Сорок лет тому назад в американском городе Чикаго рабочая организация — американская федерация труда—устроила манифестацию рабочих.

Но это «Первое Мая» еще не было международным праздником. Только через три года международный социалистический конгресс решил, по примеру американских рабочих, установить раз навсегда день международного об'единения трудящихся, когда бы пролетариат разом во всех странах потребовал от буржуазии сокращения рабочего дня до восьми часов. Днем выступлений решено было назначить первое мая.

С каждым годом значение первого мая все увеличивалось. К первоначальным требованиям восьмичасового рабочего дня стали присоединяться и другие: требования отмены постоянной армии и борьбы против войны.

Каждый год буржуазные правительства готовились к подавлению беспорядков первого мая. Кое-где буржуазия в панике уезжала из города, кое-где происходили стычки между полицией и рабочими. Буржуазия видела, что рабочий класс в самом деле об'единяется под знаменами борьбы за коммунистический строй.

В России первое мая связывалось с большими забастовками. Тогда как в 1891 г. на подпольную маевку в Петербурге приходит всего 200 человек, в 1896 г. первым мая началась стачка прядильщиков, в которой участвовало сорок тысяч рабочих. Первое мая в России имело особенно большое значение для об'единения рабочего класса в самых худших условиях в темной и невежественной стране, скованной властью царя и помещиков.

В 1901 г. в Петербурге была сделана первая попытка устроить демонстрацию на улицах; части рабочих удалось пройти на Невский проспект. Тогда же произошло настоящее сражение между полицией и рабочими в другой части города.

Везде первое мая сопровождается стачками и расстрелами. Царское правительство видело, что первое мая каждый год собирает все больше и больше рабочих.

В первомайском празднике участвовали и ребята.

Вот как газеты описывают первомайскую демонстрацию детей в Екатеринославе в 1906 г.:

«Дети на улице собрались и поснимали всех из школ—человек 500 разгуливают по улицам с пением «Марсельезы», «Варшавянки» и прочих песен».

«Что, ребята, весело сегодня»?—спрашивают из толпы ребятишек 8—10 лет, мальчиков и девочек.

«Как-же, сегодня наш рабочий праздник, первое мая; сегодня никт не должен заниматься».

«Вдруг кто-то из них достал красный платок, моментально достали палку, и красное знамя готово».

— «Красное знамя» петь,—кричат со всех сторон, — и звучные детские голоса затянули боевой марш».

Это было тогда, когда на углах улиц стояли не советские милиционеры, а царские городовые, а в школах господствовали тупые учителя, карцер и, подчас, розги.

Ребята примыкали к забастовкам взрослых и за это им жестоко доставалось.

На первое мая всегда отражался под'ем и падение революционного движения. После разгрома революции 1905 г. наступает тяжелая полоса упадка сил рабочего класса, когда победившее правительство мстило побежденным рабочим; а в 1912 г., после Ленского расстрела, новый под'ем, и на первое мая в Петербурге целый день происходили беспрерывные манифестации рабочих. А в 1913 г. во время всеобщей первомайской забастовки во всей России бастовало 420.000 человек.

После победы революции в России, первое мая у нас—действительный праздник трудящихся. Но в Советской России первое мая не всегда было днем отдыха, а в первые годы после революции во время разрухи, голода, первое мая было днем труда. В день первого мая по всей Советской стране устраивались коммунистические субботники, когда свой праздничный день трудящиеся употребляли на то, чтобы об'единенными усилиями укрепить голодную и нищую рабоче-крестьянскую страну.

Теперь первое мая. Трудящиеся выходят на улицы и в Советском Союзе, и в буржуазных странах, только с той разницей, что мы здесь празднуем свободно и радостно, а там в этот день к немногочисленным красным знаменам присоединяется еще красный цвет пролитой крови.

Как устроить огород

Выбор места. Для отряда устроить огород имеет большое значение. Ребята коллективно будут участвовать в работе на открытом воздухе, будут приобретать трудовые навыки, будут исследовать жизнь растений, производить опыты. Надо только всю эту работу проделать обдуманно и организованно. Взять участок такой, чтобы было по силам с ним справиться. Лучше взять меньше и хорошо его обработать, чем, не рассчитавши силы, размахнуться на большой огород, бросить его в середине лета или запустить. Огород можно устроить в лагерях, если отряд рано выезжает туда, на площадке в городе, на дворе школы или клуба.

Место для огорода надо выбирать открытое, незатененное. Хорошо, если с севера огород будет защищен от холодных ветров забором или кустарником. Место, занятое под огород, должно быть огорожено, чтобы гряды не были испорчены случайно забревшими туда коровой, козой, лошадью, курами.

Выбирать место для огорода надо не далеко от воды, колодца, речки, пруда, иначе трудно будет справиться с поливкой. Хорошо в огороде зарыть в землю до краев кадку и в нее наливать воды. Вода будет согреваться за день, такой теплой водой лучше поливать, чем холодной.

Выбрав место для огорода, надо очистить его от камней, сорных трав, сравнять ямы, бугорки и хорошенько, поглубже, перекопать всю площадь. Землю надо удобрить. Лучшее удобрение—это навоз, особенно конский. Кроме того, прекрасным удобрением будет печная зола, перегнившие древесные листья, куриный и голубиный пометы. Обычно большинство таких удобрений часто пропадает даром, хотя и находится всегда под рукой.

Инструменты нам потребуются такие: железная лопата, грабли, мотыги для окучивания, лейка с мелкой сеткой, грабельки для разрыхления почвы.

При рассадке растений надо учесть то обстоятельство, чтобы высокие растения не затемняли низких. Поэтому вьющиеся и высокие растения, как горох, бобы, будем сажать в северной части огорода, а низкие—в южной.

Кроме овощей, для наблюдений интересно засеять небольшие участки огорода овсом, рожью, пшеницей, льном и коноплей.

Гряды надо сделать ровные, по веревке, а также и посадку делать правильными рядами, чтобы огород имел красивый вид.

Посев. Сеять лучше вечером, во влажную землю. Для посева на грядке по шнурку проводят борозды на расстоянии от 20 до 30 см. друг от друга, в которые закапывают семена. Семена высеиваются на некотором расстоянии

Сажают рассадой на расстоянии 70 сантиметров друг от друга в ямках. После посадки обильно поливается и дня на два закрывается лопухами или соломой от действия солнечных лучей. Когда завяжется качан, капусту надо окучивать и беречь от гусениц, бабочек-капустниц, которые обираются руками.

Свекла — лучший сорт египетская, круглая. Семена сажают в гряды рядами, на расстоянии 3 — 5 сантиметров один от другого, и зарывают на глубину в четыре сантиметра. Как только замечаются всходы, надо слегка рыхлить почву между рядами, не трогая той узкой полосы, где только что появились всходы. Через 3—4 недели прореживаются всходы так, чтобы расстояние между отдельными кустами было не ближе 30—35 сантиметров. Окучивать свеклу никогда не следует, иначе рост и развитие корней задерживается.

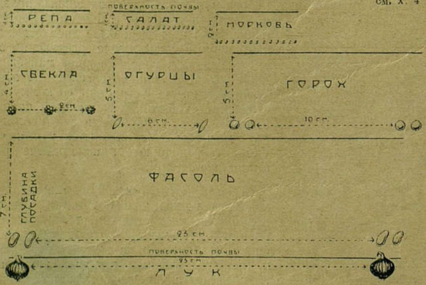
Томаты сажают рассадой в грунт без гряд на расстоянии 70 — 80 санти-

Урожай с пионерского огорода

Устройство гряд. Гряды надо делать невысокие. Овощи с длинными корнями требуют более высоких гряд, а для капусты, например, совсем не надо гряд. Очень высокая гряда способствует быстрому высыханию влаги, что нежелательно. Высота гряды будет сантиметров 10—15, ширина—80 сантиметров. Гряды делают лопатой, хорошенько перекапывая землю и выравнивая железными граблями. При этом надо тщательно выбрать черепки, камешки, коренья трав.

см. х. 4

Как надо сеять в огороде

друг от друга, в зависимости от вида растения.

Морковь требует песчаную, рыхлую, но не очень жирную почву. Перед сеянием надо смешать семена с землей, чтобы не слишком густ был посев. Во время роста следует много поливать. При густом посеве морковь родится тоненькая и плохая. С появлением ростков необходимо рыхлить землю между грядами.

Огурцы перед посевом проращиваются и сеются в середине мая. Нельзя сажать в почву, удобренную свежим навозом, от этого они бывают горькие. Огурцы любят солнечный свет, рыхлую, хорошо удобренную землю и частое выпалывание.

Капуста любит суглинистую, хорошо держащую влагу, почву и хорошо унавоженную. Кроме навоза, можно удобрять золой и известью.

метров, а между рядами не менее одного метра. Посадку обязательно производить в ямки глубиной 15 — 20 сантиметров, не досыпая до уровня земли на 5 сантиметров. Сажать вечером и лучше в пасмурную погоду. После посадки прикрыть соломой или листами газеты от солнца дня на два. Это делается для того, чтобы уменьшить испарение, так как сейчас же после посадки корни еще не действуют, и потому нет доставки сока к листьям.

При затенении испарение значительно ослабевает, и лишь когда корни окрепнут и начнут вбирать влагу, тогда безопасно раскрыть рассаду.

Когда растения достигнут высоты 50 сантиметров, их надо подвязать к кольям.

В конце лета, когда появится достаточно зеленых плодов, концы стеблей прищипываются. Это способствует скорейшему созреванию и увеличению плодов в об'еме.

Фасоль, бобы, горох перед посадкой вымачивают до появления ростков. Сажают в гряды рядами (в два ряда на гряду) на расстоянии 30 — 35 сантиметров зерно от зерна.

Тыква сажается в ямках на расстоянии 2 — $2^1/_2$ метров друг от друга. Глубина посадки семян—5 сантиметров. Когда растения подрастут и дадут 3—4

листка (кроме первых), то крайний побег прищипывается. Это делается для того, чтобы сократить рост длинных плетей и увеличить образование плодов.

Опыты и наблюдения. На огороде интересно проделать ряд опытов; например, выделяют часть гряды, на которой семена засеяны густо и не прорежены, сравнивают, как растут те же семена прореженные. Другой опыт такой: одну половину гряды хорошо удобряют, другую оставляют совсем без удобрения и сравнивают, как развивается растение на той и другой половине. Также можно сравнить, как развивается растение с поливкой и без поливки.

При сравнении обратите внимание на всхожесть, высоту стебля растения, крепость, толщину, окраску, количество и качество листьев, цветов и плодов.

Можно сделать еще и такие опыты.

Оставьте часть гряды зарастать сорными травами, а другую аккуратно выпалывайте и учтите влияние сорных трав на развитие растений и на количество полученных овощей. Вместе с этим ознакомьтесь с разновидностями сорных трав.

Сравните выросшую морковь, густо засеянную и непрореженную, с таковой же, но прореженной. Обратите внимание на вид, количество и вес корней.

Сравните количество и вес плодов нескольких кустов томата с прицепленными побегами и свободно растущими. (Составьте наглядную диаграмму).

Проследите прорастание семени, например, ржи и составьте таблицу, на которую наклейте засушенные ростки и стебельки через определенные промежутки времени вплоть до созревания.

Посейте в гряду семена гороха и накройте это место непрозрачным плотным ящиком, чтобы к всходу не проникал свет. По вечерам осматривайте состояние посева. Для сравнения одновременно посейте рядом семена гороха при обыкновенных условиях. Уход и поливка тех и других растений должны быть одинаковыми. Если темный ящик достаточно велик, то, кроме гороха, можно посадить под ним и картофель, а рядом его же посадить для сравнения на свету. Из сравнения узнайте, как влияет свет на растение и для чего он нужен.

Вот несколько книжек, в которых можно найти много полезных указаний: 1) «Огурцы», 2) «Капуста», 3) «Томаты».

Это отдельные выпуски из «Библиотеки сельхозкружка молодежи». (Изд. «Новой Москвы»).

Каждая из этих книжечек стоит только 8 коп.

Р. Роман

Рис. худ. Б. ПОКРОВСКОГО

Молчок

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О Молчке и Васькином бутерброде

Его звали Молчком за его вечную молчаливость. И, действительно, Мишка Молчок был молчалив, как радиоприемник, у которого срезали трубку.

Даже во время игр, когда, сидящий на завалинке в двух верстах от школы, глухой дед Игнат, крестясь, говорил:

Ишь, черти, разбузовались!

— Ишь, черти, прости господи, разбузовались. Даже тогда Мишка Молчок почти что не разевал рта.

Когда Молчку приходилось выступать по каким-либо вопросам в школе, речь его была так кратка, что походила на тезисы.

Ребята посмеивались, уверяли, что Молчок, мол, на себя обет молчания наложил.

И вот однажды Молчок удивил всех... Но, виноват, я ведь еще не сказал ничего о знаменитом Васькином бутерброде. Дело в том, что голодная школьная ребятня, ежедневно бегавшая в школу, кто за три, а кто и за пять верст, собиралась смотреть, как розовощекий сын владельца чайной Васька ровно в 12 часов вытаскивал из-за пазухи бутерброд и медленно с'едал его. Смотрела ребятня и перекидывалась замечаниями.

— Ишь, как лопает!
— С маслом, жаба, хряпает!
— С колбасой, подлый!
— А анадысь сыр шамал!
— Вре?
— Провалиться!..

Бутерброд был действительно достопримечательностью, и если бы Васька его позабыл дома, ребятам стало бы скучно и не по себе. И вот однажды Молчок подошел к Васькиному бутерброду вплотную и наклонился к нему так близко, что Васька, испугавшись за целость своей драгоценности, отшатнулся. И тогда Молчок медленно выпрямился, обвел нас спокойным взглядом и, указав на Васькино богатство, сказал:

— Буза! Лучше сделать можно!

ГЛАВА ВТОРАЯ

в которой Анна Ивановна удивляется

На следующий день Молчок подошел к Кольке Кузнецову и тоном, не допускающим возражения, сказал:

— Ты будешь белогвардейцем!

— То-есть как?—оторопел Колька.

— Так! Приходи вечером.

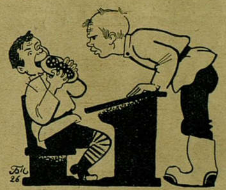
Колька пытался что-то еще мямлить, но Молчок прижал его в угол, что-то шепнул на ухо, показал кулак, и Колька, все еще растерянный, кивнул головой.

А Молчок уже нацеливался на Маньку, которая вскоре тоже была загнана в угол и тоже кивнула головой.

Однако Молчок на этом не остановился. Количество заговорщиков возрастало, но это его, очевидно, мало радовало.

И вдруг, когда учительница наша, Анна Ивановна, выплывала своей неспешной походкой из класса, Молчок треснул себя по лбу и завопил:

— Анна Ивановна, вы будете женой кулака.

Буза! Лучше сделать можно!

Мы остолбенели. Помешательство Молчка было так внезапно и так явно, что волосы зашевелились у нас на голове.

— Как? Как ты сказал, Миша? бледнея, переспросила Анна Ивановна.— Я буду женой кулака?.. Почему ты так думаешь?..

— Потому что вы на это годитесь.

— Я?.. Гожусь?.. Но...

— Да! Да... — нетерпеливо перебил Молчок,—пойдемте, расскажу.

Анна Ивановна опасливо пошла за Молчком, двинулись было и мы, желая

защитить бедную учительницу от возможного нападения взбесившегося Молчка, но он на нас так поглядел, что наши ноги приросли к полу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

в которой появляется таинственная афиша

Через две недели, в течение которых Молчок был еще молчаливее обыкновенного, на школьном заборе появилась потрясающая афиша, разрисованная самыми свирепыми красками:

Всем. Всем. Всем!!!
В субботу 10 гисля в школьном театре
щколы села Огузкина состоица
Агромадный вечер со
спектаклем с развлечениями.
Перовоя отделения
1. Речь пионера товарища Михаила Петровича Молчка
Вторая отделения
I. Великая пьеса из Революции с настоящими выстрелами из ружьев и умиранием стараго быта „За комуну" в 3-х действиях с участием любительской актрисы Анны Ивановны Брыкиной
Третья отделения
1. Гармония известного вертоуса Митрия Заозерского
2. Развлечекия
Начало в 7 часов. Вхот 20 копеек

Мы были потрясены.

А к вечеру такие же афиши запестрели по всем ближним деревням.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

в которой Молчок заговорил

То ли удачно составленная афиша была тому виной, то ли умелое распространение билетов способствовало поднятию сбора, но 10-го в школу напихалось народу столько, что плюнуть некуда.

Ровно в 7 часов на подмостках сцены, перед ситцевой занавеской, заменявшей занавес, появился Молчок.

Он был серьезнее обыкновенного и ерошил волосы с видом заправского оратора.

Мы затаили дыхание.

— Граждане и гражданки! — начал Молчок.— У нас в школе есть Васька, и у этого Васьки есть отец. Это бы еще ничего, но этот отец имеет средства и возможность давать своему сыну белые букенброды с колбасой и с маслом. А мы, все прочие школьники, стоим вокруг этого Васьки и смотрим на букенброд, как вы будете смотреть на наше представление. И в животе у нас становится горько, и из рота текут завистливые слюни, и каждый Васькин букенброд для нас удар в сердце.

Вы будете женой кулака!

— И мы, которые бегаем в школу кто за три, а кто даже и за пять верст, мы, которые обучаемся для того, чтобы потом быть вашими помощниками, мы говорим: не для того вы боролись и страдали, чтобы Васька лопал свои букенброды и задирал перед нами нос. И когда горькие слюни текут у нас из рота, то это есть не завоевание революции, чтобы были у нас подведены животы и чтобы в них играла заунывная музыка.

Кое-кого проняло, какая-то сердобольная старушка даже всхлипнула.

— И каждый из вас знает,—продолжал Молчок, что если не покормить лошадь, так она далеко не повезет, и могут ли повезти далеко наши голодные мозги и не обгонит ли нас трактирщик-Васька, у которого из каждой щеки можно повытопить по пуду сала.

Кое-кто засмеялся. Молчок пережлал одну короткую секунду и вдруг крепко и звонко поднялся его голос:

— Но не для того, дорогие граждане и гражданки, взял я слово, чтобы разжалобить вас или рассмешить. Я взял слово, чтобы сказать, что в каждом деле надо полагаться на свои собственные силы.

— Никто нам не поможет, если мы сами себе не поможем.

— И вот теперь, когда вы пришли в таком агромадном числе на наш вечер, я вижу, что затея наша удалась, и что все школьники с завтрашнего дня будут иметь горячие завтраки.

Волнение прошло по залу. А Молчок с горящими глазами заканчивал:

— Долой Васькины букенброды! Пусть он обжирается ими. Пусть хоть лопнет от них. Мы сами заработали себе на завтраки, и эти трудовые революционные завтраки вкуснее для нас, чем всякая буржуазная колбаса.

Молчка качали школьники, качал весь зал. А в конце вечера, который удался на славу, принялись качать сызнова.

Завтраки привились. Несколько повторных вечеров дали для этого необходимые средства.

С весны мы по инициативе того же Молчка разбили огород. Впрочем, Молчком теперь уже его никто не звал.

Его звали Мишка-горячий завтрак.

Молчка качали школьники

№ 21. Географическая задача

(В. Сецинского)

Предлагается найти значение следующих 5 слов:

1) Крупная электростанция в СССР (11 букв).
2) Сибирский город (4 буквы).
3) Река Сибири 4) буквы).
4) Город Голландии (5 букв).
5) Горная цепь в Европе (5 букв).

Первые буквы этих слов должны дать большую реку в СССР.

№ 22. Задача

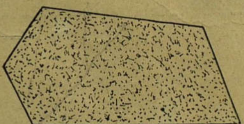
(Сюзева В)

Заменить черточки буквами так, чтобы можно было прочесть слова, при чем при чтении начальных букв сверху и конечных снизу получились бы фамилии: в столбце «А»—русских вождей и в столбце «Б»—русского писателя и композитора:

А	Б
— лапа —	— асек —
— птек —	— гадчи —
— игма —	— пио —
— вре —	— арас —
— аде —	— деа —
— врон —	— огле —
— ершо —	

№ 23. Составь!

Данную фигуру предлагается разрезать двумя линиями так, чтобы из полученных частей можно было составить квадрат.

№ 24. Шарада

(Петухова В.)

Все целое шарады—
Название металла;
Конец мой и начало —
Одна и та же буква,
А средний слог—охота.
Забыл ответ я что-то.

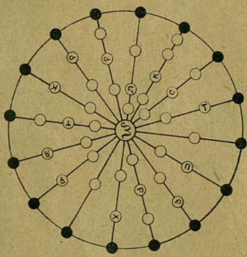
№ 25. Шарада

(Его же)

Я все — цветок, —
А первый слог —
Материя сквозная;
Помещик польский—слог второй,
Ответ же будет за тобой,
А я его не знаю.

№ 26. Задача

(Г. З.)

В данных кружках предлагается проставить недостающие буквы таким образом, чтобы в каждом ряду кружков от центра к окружности получилось слово, а по черным кружкам при чтении по движению часовой стрелки—фамилии виднейших революционных деятелей.

Решения задач

Решение задачи № 3

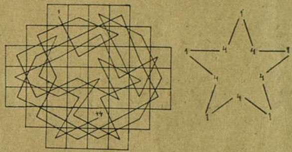
Г	р	е	ч	и	х
и	е	у	м	н	а
н	у	р	и	о	г
е	к	а	ц	ж	р
ж	е	и	н	е	а
о	л	с	т	и	н

№ 6

Пополам делится цифра 6. При вычитании цифры 3 получаем ряд чисел, заменив которые буквами, читаем лозунг: **«Завершить дело Ильича»**.

№ 7

666.

Решение задачи № 8 (ход коня) (слева).

«Пионеры верны делу рабочего класса и заветам Ильича».

№ 9 (справа).

Числа показывают количество поставленных монтером лампочек.

№ 10.

На—туралист.

№ 11.

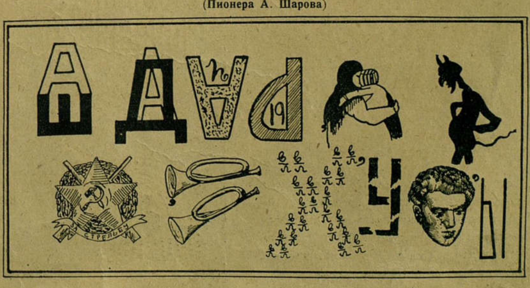
Ленинцы—опора нашего строительства.

Ответы:

Бабайцеву В., Балясову П., Белявцеву М. (Краснодар), **Жезнеку Н., Кожушко Ю., Кондыреву В., Мальцеву К., Миронову Л., Никитиной З., Пушнову П., Станчиц Б., Судакову П., Щуплякову А., Фролову В.**—Присланное не подошло: или слабо составлено, или же старо, или же не подходит по теме. Присылайте еще!

№ 27 Ребус.

(Пионера А. Шарова)

А. Михайловский

Рис. худ. Соколова-Аси

Негритенок Томми

(Окончание)

Видит Томми: плохо дело,
В воду прыгает он смело
И, схватившись за канат,
Вверх полез, как акробат.

Том на палубу взобрался.
Незаметно в трюм прокрался,
И за бочками прилег
В самый темный уголок.

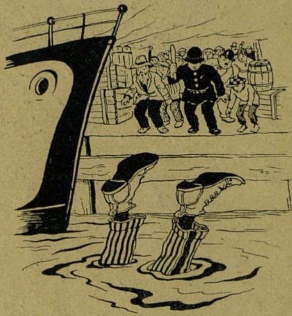
Пароход готов к отходу,
Острым носом пенит воду,
Якорь поднят на цепях,
В небе вьется красный флаг.

И, покинув чужды страны,
Он домой по океану
Возвращается назад
В славный город Ленинград.

Через месяц над водою
Чуть заметной полосою
Перед носом корабля
Показалася земля.

А на ней, горя огнями,
Разукрашенный садами,
Весь закованный в гранит,
Город каменный стоит.

Вот команда прозвучала,
Ловко брошены причала.
И огромный пароход
Возле берега встает.

Не видать конца дороге,
Еле тащит Томми ноги,
Сердце бьется, звон в ушах,
А погоня в двух шагах.

Ну, еще, еще немного...
Стоп. Железная дорога,
Вон несется паровоз,
Томми вспрыгнул на откос.

Разбежался, изловчился,
За подножку ухватился,
И огромный паровоз
Негритенка вдаль увез.

Прямо к морю Томми катит,
Там его никто не схватит,
Сядет он на пароход
И в Европу уплывает.

Томми к морю под'езжает,
А его уже встречают
Возле пристани морской
Полицейские толпой.

Томми мчится к пароходу,
А за ним толпа народу
Все кричат: держи, хватай,
Слева, справа забегай!

Томми на берег слезает,
Вдоль по улицам шагает,
Смотрит, где бы на ночь тут
Отыскать себе приют.

С барабанным громким боем,
Перед Томми строй за строем
Выступает на парад
В красных галстуках отряд.

Заприметив негритенка,
Отошедшего в сторонку,
Пионеры, бросив строй,
Подошли к нему гурьбой.

Мигом Томми окружили
И не медля предложили
В пионеры поступить
И в отряде с ними жить

Не прошло и полугода,
Как, забыв свои невзгоды,
Негритенок-пионер
Стал в отряде всем пример.

В фабзавуче, на заводе
И в ученьи, и в работе,
Томми наш из года в год
От других не отстает.